

Отношения государства и бизнеса как фактор демократизации

ДЁГТЕВ Андрей Сергеевич

Несмотря на то что в данной статье бизнес рассматривается в качестве непосредственного участника демократизации, речь вовсе не идет о переквалификации экономического фактора демократизации из структурного (экзогенного) в процедурный (эндогенный)¹. Формулировка предмета данного исследования позволяет рассматривать экономический фактор демократизации в качестве неотъемлемой внутренней части политического процесса при сохранении его структурного характера.

Сущностные аспекты демократии

Для начала следует определиться с критериями демократии. На каком основании можно выделять тот или иной политический режим в качестве демократического и в чем суть феномена демократии?

В политической науке существует множество моделей демократии². Каждая из них предлагает свою собственную концепцию демократической системы. Тем не менее простое перечисление этих концепций мало что дает для понимания сущностных признаков демократии. Большинство моделей описывают демократию скорее с позиции ее функций, а не сущностных характеристик. Представительная демократия рассматривается как механизм выражения интересов, раз-

¹ Мельвиль А.Ю. Опыт теоретико-методологического синтеза структурного и процедурного подходов к демократическим транзитам // Полис. Политические исследования. 1998. № 2. С. 6.

² Как измерять и сравнивать уровни демократического развития в разных странах? (По материалам исследовательского проекта «Политический атлас современности»). М., 2008. С. 14–37.

вивающая — как средство самосовершенствования граждан, партиципаторная и охранительная — как способ ограничения власти, элитарная — как инструмент смены властных групп и т. д. Поэтому для формулировки существенных аспектов демократического режима необходимо привести перечень тех элементов, которые могли бы действительно претендовать на роль природной составляющей демократического феномена.

Такой подход в первую очередь требует назвать ряд институтов и институциональных принципов, присущих демократии: выборы, референдум, всеобщее голосование, делиберация, инициатива, наказ, отзыв, свобода слова, правление большинства, уважение прав меньшинств, конституционность, подотчетность, разделение властей, плюрализм, политическое и правовое равенство, определенность процедур при неопределенности и необратимости результатов и др. Приведенные элементы объединим в рамках термина «*демократические институты*».

В то же время даже наличие перечисленных институтов на деле не всегда свидетельствует о наличии полноценного демократического режима. Иначе мы бы не сталкивались с распространенным явлением «демократий с прилагательными»³. Мы можем быть уверены, что институты демократии действительно функционируют, а не играют роль демонстрационного фасада, лишь когда наблюдается истинная демократическая диспозиция политического пространства, выражающаяся в плюрализме политических акторов и эффективном участии общества в управлении. Такая конфигурация политической системы возникает, когда демократические институты исправно выполняют свою функцию. Выборы приводят к смене политической власти, свобода политического участия порождает множество конкурирующих акторов и т. д.

Таким образом, формула демократии предстает в следующем виде: *демократические институты + демократическая диспозиция*. Между тем эту формулу следовало бы дополнить

³ Шитова Е.Н. «Демократии с прилагательными» в политологическом дискурсе // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Социология. Политология, 2014. № 3 Т. 14. С. 98–103.

еще одним элементом. Широко распространенным критерием демократии являются высокие стандарты соблюдения прав человека. Показательно, что при составлении таких известных рейтингов демократии, как *Freedom House*⁴ и индекс демократии журнала *Economist*⁵, в качестве одного из параметров демократии используются гражданские права (*civil liberties*), трактуемые значительно шире, чем просто политические права. Верховенство права (*rule of law*) также рассматривается в качестве одного из критериев демократии в индексе трансформации Фонда Бертельсмана⁶.

Демократическую политическую культуру, которую иногда также выделяют в качестве элемента демократии, мы выводим из перечня атрибутов демократического режима и считаем одним из факторов демократизации. В результате складывается конечная формула демократии: *демократические институты + демократическая диспозиция + высокие правовые стандарты*.

Однако эти три компонента демократического политического режима, на наш взгляд, неравнозначны между собой. *Демократическая диспозиция политического пространства* является более значимым элементом, так как наряду с принадлежностью к демократической конструкции в качестве ее составной части она также является и важнейшим фактором демократизации. Поясним, на чем зиждется данное утверждение.

Плюралистическая концепция демократии хорошо описывает «золотое состояние» политической системы, когда интересы многочисленных конкурирующих между собой групп влияния находятся в равновесии. Это возможно лишь тогда, когда ни одна из групп не обладает ресурсом, достаточным для подавления всех остальных игроков и монополизации контроля над обществом. Власть оказывается расплывлена между множеством центров силы, взаимно сдерживающих друг друга в процессе политической борьбы.

⁴ Freedom House Reports // <https://freedomhouse.org/reports>

⁵ Polity IV Project, Political Regime Characteristics and Transitions, 1800–2015 // <http://www.systemicpeace.org/inscrdata.html>

⁶ Transformation Index BTI // <http://www.bti-project.org/en/home/>

Только в таком состоянии политикум может обрести и сохранить демократическое устройство. В противном случае попытки демократизации окажутся тщетными, так как конфигурация политических акторов не будет располагать к демократическим правилам игры.

Пожалуй, самым распространенным примером того, как неравномерное распределение сил в политическом пространстве может препятствовать развитию демократии, является эффект «нефтяного проклятья». Углеводородный ресурс богатых стран Персидского залива позволяет их правителям эффективно контролировать политическое пространство и удерживать политические режимы в состоянии устойчивого авторитаризма, в то время как большинству других стран с сопоставимым уровнем экономического развития, но гораздо более диверсифицированной экономикой уже давно посчастливилось перейти к демократии.

Выходит, что введение демократических институтов увенчается успехом лишь в том случае, когда уже существует потенциально *демократическая диспозиция* или она сможет выстроиться в кратчайшие сроки в процессе транзита. Это обуславливает вторичность *демократических институтов* по отношению к *демократической диспозиции* в нашем исследовании.

Вторичным будет и положение *правовых стандартов*. Мы исходим из гипотезы о том, что высокое качество правовой культуры власти и общества является побочным эффектом *демократической диспозиции*. Конкурентный характер политической борьбы заставляет политических акторов соотносить свое поведение с нормами права по причине опасности дискредитации себя в глазах избирателей. Со временем стандарты правового поведения укрепляются и становятся неотъемлемой частью правовой и политической культуры.

Таким образом, именно с появления *демократической диспозиции* начинается реальный процесс демократизации. Теперь подошло время рассмотреть факторы демократизации.

Ключевой фактор

Из хода рассуждений уже ясно, что нас интересуют в первую очередь те факторы демократизации, которые способствуют формированию благоприятного для демократического транзита расклада сил на политической карте. Среди структурных факторов, на наш взгляд, наиболее значимым для становления *демократической диспозиции* является экономический фактор. Однако его концептуализация, с нашей точки зрения, должна происходить вовсе не в терминах уровня ВВП на душу населения или уровня жизни, как это часто бывает, а с точки зрения политического участия бизнеса.

Известно, что бизнес может быть активным участником политического процесса через лоббирование своих интересов в государственных органах власти, финансирование партий и СМИ, ведение систематических переговоров с властью по вопросам социально-экономического развития и т.д. Бизнес является главным источником формирования групп влияния. Таким образом, именно бизнес может стать ключевым звеном в системе общественно-политических отношений, склонив политическую систему к состоянию плюралистического эквилибриума, или, выражаясь терминологией данного исследования, демократической диспозиции. А если так, то следует рассмотреть, какому условию должно соответствовать политическое участие бизнеса, чтобы итоговый результат был благоприятен для демократизации.

Выделение бизнеса в качестве балансира системы политических отношений позволяет в аналитических целях упростить политический процесс до взаимодействия двух акторов — государства и бизнеса. Некоторой логикой обладало бы введение в данную модель гражданского общества в качестве еще одного субъекта. Однако, во-первых, нацеленность данной работы на изучение именно бизнеса как политического фактора позволяет абстрагироваться от иных акторов, кроме самого бизнеса и главного политического игрока — государства. А во-вторых, очевидна меньшая значимость общества для политического процесса по сравнению с государством и бизнесом. На практике политическая субъективность обще-

ства в современных странах редко выходит за рамки голосования на выборах и гражданского активизма в рамках некоммерческих организаций, которые зачастую сами находятся в финансовой зависимости от основных двух акторов.

Равноправный диалог между государством и бизнесом будет соблюдаться лишь в том случае, когда их влияние и мощь будут паритетны. Если же один из игроков слишком силен по отношению ко второму, демократизация столкнется с трудностями. Одним словом, лишь сочетание «сильное государство — сильный бизнес» ведет к становлению демократического режима. У читателя может возникнуть резонный вопрос: а что, если и бизнес, и государство слабы? Разве такое соотношение потенциала государства и бизнеса не должно способствовать демократизации? Ведь возможности этих игроков в таком случае тоже являются паритетными. Наш ответ на этот вопрос отрицателен. Вслед за другими исследователями мы склонны считать, что лишь сильное государство способно полноценно демократизироваться⁷. А значит, соотношение слабого государства и слабого бизнеса должно склонять режимную трансформацию в сторону авторитаризма.

Модели соотношения потенциала государства и бизнеса

Сказанное выше позволяет выделить на правах гипотезы четыре модели соотношения потенциала государства и бизнеса, каждая из которых будет способствовать становлению отдельного типа политического режима (Таблица 1).

Модель №1. Демократия

В случае сочетания сильного государства и сильного бизнеса режим будет стремиться в сторону демократизации. Институциональная рамка политического устройства в таком случае будет соответствовать уже описанной выше схеме плюралистической демократии. Одна из наиболее популярных версий этой модели демократии была создана Робертом Далем в рамках концепции полиархии⁸.

⁷ Тилли Ч. Демократия. М., 2007.

⁸ Dahl R. Polyarchy: participation and opposition. New Haven, 1971

Таблица 1. Модели соотношения потенциала государства и бизнеса

Соотношение потенциала акторов	Тип политического режима
Сильное государство — сильный бизнес	Демократия
Сильное государство — слабый бизнес	Авторитаризм
Слабое государство — сильный бизнес	Авторитаризм (разновидность: «приватизация государства»)
Слабое государство — слабый бизнес	Авторитаризм (разновидность: «бесплодный плюрализм»)

Модель №2. Авторитаризм

Если наблюдается чрезмерная сила государства по сравнению с бизнесом, режим будет тяготеть к модели классического авторитаризма. В отсутствие питательной среды в виде сильного бизнеса политическая элита становится не способной сформировать внутри себя достаточное количество мощных группировок для появления развитой конкуренции, что ведет к доминированию одного коллективного актора. Результатом становятся низкая подотчетность и конституционность власти, слабость судов и парламентаризма, крен в сторону исполнительной власти, подконтрольность СМИ и т. д.

Модель №3. Авторитаризм

(разновидность: «приватизация государства»)

Если же, напротив, бизнес слишком силен по сравнению с государством, может произойти «приватизация государства». Те или иные бизнес-структуры могут фактически подчинить себе государство, переориентировав его с общенациональных задач на обслуживание своих собственных интересов. В «приватизированном государстве» снижается возможность для честной конкуренции. Механизмы государственной власти используются для решения узкокорпоративных коммерческих интересов и борьбы с экономическими и политическими соперниками.

*Модель №4. Авторитаризм
(разновидность: «бесплодный плюрализм»)*

Авторитарный политический режим, который с высокой вероятностью может возникнуть при слабом государстве и слабом бизнесе, соответствует модели «бесплодного плюрализма», описанной Томасом Карозерсом в статье «Конец парадигмы транзита»⁹. Эта модель отличается тем, что, несмотря на наличие определенной свободы и конкуренции, государство остается коррумпированным и неэффективным. Сменяющиеся у власти политические группировки не способны предложить населению что-либо, кроме популизма, что в итоге вызывает отторжение граждан от политики. «Бесплодный плюрализм» рождается в результате слабости государства, не способного выполнять свои функции на должном уровне. При этом «приватизация государства» не возникает, так как бизнес тоже слаб и не обладает достаточными ресурсами для подчинения себе государственной машины.

Необходимо отметить, что влияние соотношения потенциала государства и бизнеса на режимные изменения не является строго детерминированным. Та или иная конфигурация государства и бизнеса вовсе не обязательно ведет к становлению конкретного типа политического режима во всей выразительности его специфических характеристик. Дело в том, что бизнес является далеко не единственным фактором демократизации. Помимо него на режимный переход воздействует множество других сил. Поэтому в фокусе данного исследования находятся не режимы как идеальные типы, а расходящиеся траектории режимных трансформаций. Иными словами, мы исходим из того, что при прочих равных режимы, сочетающие в себе сильное государство и сильный бизнес, будут более демократичны, чем режимы, не удовлетворяющие этому требованию. Однако это вовсе не означает, что первые режимы должны быть представлены только полноценными демократиями, а вторые — «идеальными» автократиями.

⁹ Карозерс. Т. Конец парадигмы транзита // http://edu.kpfu.ru/pluginfile.php/49090/mod_resource/content/1/КАРОЗЕРС_КОНЕЦ_ПАРАДИГМЫ_ТРАНЗИТА.pdf

Проверка гипотезы

Выдвинутая гипотеза требует проверки на обширном эмпирическом материале, что невозможно сделать в рамках одной статьи. Однако предварительная апробация предложенной модели может быть произведена уже здесь. Для этого потребуются рассмотреть четыре казуса, каждый из которых демонстрировал бы соотношение силы государства и бизнеса, соответствующее описанным выше моделям. Гипотеза будет считаться предварительно подтвержденной, если политические системы этих стран будут обладать характеристиками соответствующих типов политических режимов.

На наш взгляд, наиболее подходящим источником для выбора казусов является постсоветское пространство. Уникальность процессов институционального строительства в политике и экономике на постсоветском пространстве заключается в том, что они происходили во многом с нуля и в короткие сроки, что обусловило их высокое взаимовлияние. Если в странах с давней демократической традицией в разные периоды истории на процесс становления институтов демократии влияло множество факторов, часть из которых обретали и теряли актуальность от эпохи к эпохе (например, борьба буржуазии и аристократии), то демократический транзит в странах бывшего СССР начался одновременно и на схожей базе, что предопределило относительную однородность факторов транзита во всех из них.

Строго говоря, сказанное во многом может быть отнесено и к другим посткоммунистическим странам. Но все же более высокая доступность информации (благодаря фактору русского языка) и более близкая культурная, историческая и социально-экономическая база делают постсоветское пространство предпочтительнее.

Для концептуализации силы государства можно воспользоваться термином «государственная состоятельность» (*stateness*), известным еще с 1968 года. Среди многообразия трактовок этого понятия Е.Ю. Мелешкина выделяет два подхода. Первый из них заключается в понимании государственной состоятельности как способности государ-

ства выполнять основные функции. В рамках второго — государственная состоятельность рассматривается в качестве результата политической идентификации населения с государством, признания последнего и консолидации политического сообщества¹⁰.

Для целей нашего исследования больше подходит первая трактовка. Демократизация по своей сути является национальным проектом, причем главным его оператором в конечном счете выступает именно государство. Таким образом, на этапе политической трансформации демократизация становится одной из основных функций государства. Неспособность государства решать поставленные перед ним задачи неминуемо приведет и к провалу демократического транзита.

Однако операционализацию силы государства следовало бы дополнить еще одной составляющей. Ведь нас интересует не абстрактная сила или слабость государства, а его потенциал во взаимодействии с бизнесом. Следовательно, переменная «сила государства» должна учитывать уязвимость либо же устойчивость государства в отношениях с бизнесом. В качестве таких параметров будут использованы отношение госдолга к ВВП, размер дефицита бюджета и доля государственных расходов на здравоохранение в общих расходах на здравоохранение.

Логика использования этих параметров проста. Если государство не способно покрыть свои расходы за счет собственных доходов, оно вынуждено обращаться за помощью в виде кредитов к частному игроку — бизнесу. В результате растет государственный долг, обслуживание которого требует дополнительных займов и тем самым еще больше ставит государство в зависимость от бизнеса. Таким образом, нехватка государственных финансов не только снижает способность государства решать общественно значимые задачи, но и ослабляет его переговорные позиции в отношениях с бизнесом.

¹⁰ Мелешкина Е.Ю. Исследования государственной состоятельности: какие уроки мы можем извлечь // Политическая наука, 2011. № 2. С. 9–27.

Доля государственных расходов на здравоохранение в общих расходах на здравоохранение также демонстрирует способность государства выполнять свои основные функции. Низкий показатель будет означать фактическую неспособность государства взять на себя ответственность за здоровье населения и перекладывание этой роли на плечи бизнеса, который усиливается благодаря получению доступа на рынок медицинских услуг.

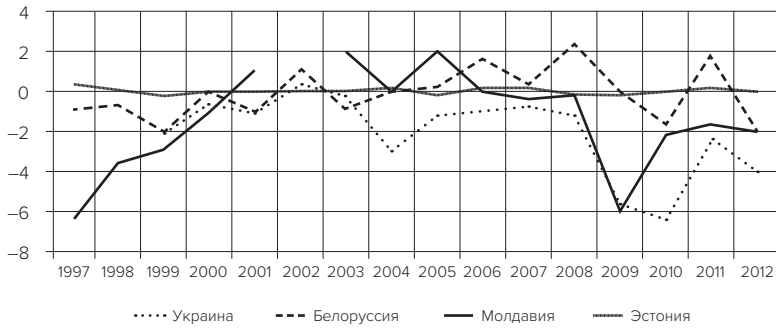
Самый простой способ измерить силу бизнеса заключается в оценке объема производимого им дохода, что соответствует размеру ВВП на душу населения. Однако не весь ВВП производится частным сектором. Следовательно, из среднедушевого уровня ВВП необходимо вычесть ВВП, производимый государственными предприятиями. Из получившейся величины потребуется также вычесть и долю ВВП, производимую малым и средним бизнесом, так как последний вряд ли может всерьез претендовать на роль значимого политического актора. В итоге получим среднедушевой размер дохода, производимого крупным частным бизнесом.

Окончательный выбор казусов пал на Эстонию, Белоруссию, Молдавию и Украину. Такой результат обусловлен, с одной стороны, желанием избежать чрезмерных культурных контрастов, что заставило исключить из выборки среднеазиатские страны, а с другой стороны — попыткой подобрать наиболее близкие по социокультурному основанию примеры, что предопределило выбор в пользу стран европейской части бывшего СССР. Россия не рассматривалась ввиду существенных отличий от остальных постсоветских стран, делающих сравнение несопоставимым. Во-первых, это разница в размере территории и численности населения. Во-вторых — статус России как ядерной и мировой державы, что оказывает влияние и на внутреннюю политику.

Сила государства

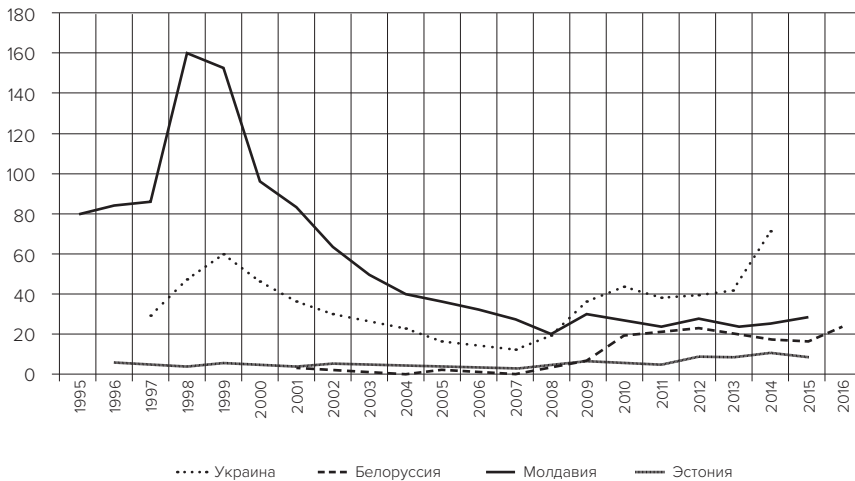
Наиболее низкий показатель дефицита бюджета наблюдался у Белоруссии и Эстонии. Причем у первой длительное время имелся существенный профицит (Рис. 1).

Рисунок 1. Дефицит/профицит государственного бюджета, % от ВВП, данные Всемирного банка

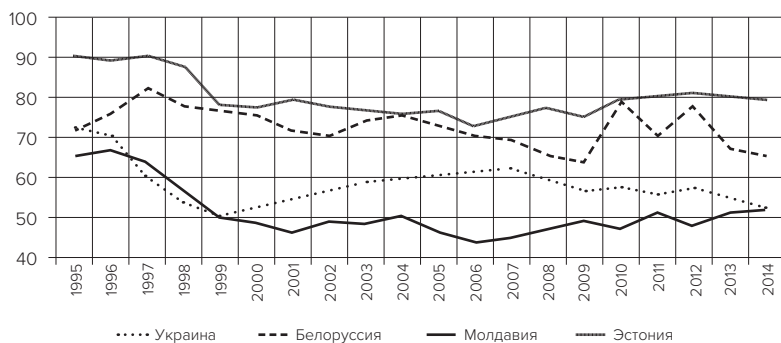
Как результат Белоруссия и Эстония на протяжении длительного времени выгодно отличались по уровню госдолга от Молдавии и Украины. Если у последних двух стран этот показатель в отдельное время достигал 60% от ВВП и выше, то у Белоруссии он перевалил за 10% лишь с 2010 года. А Эстония и вовсе никогда не была должна своим кредиторам больше, чем 10% от ВВП (Рис. 2).

Рисунок 2. Отношение госдолга к ВВП, %, данные статистических служб и национальных государственных органов

По третьему показателю Эстония и Белоруссия также демонстрируют преимущество над Молдавией и Украиной (Рис. 3).

Рисунок 3. Доля государственных расходов на здравоохранение от общих расходов на здравоохранение, %, данные Всемирного банка

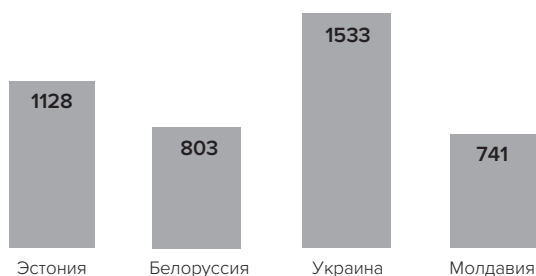

В целом Эстония и Белоруссия скорее могут быть охарактеризованы как сильные государства, а Молдавия и Украина больше удовлетворяют модели слабого государства.

Сила бизнеса

Расчеты позволили оценить среднедушевой размер дохода, производимого крупным частным бизнесом в каждой из стран. Более сильный бизнес имеется в Эстонии и Украине. Белорусский и молдавский крупный частный бизнес оказался слабее (Рис. 4).

Рисунок 4. Среднедушевой размер дохода, производимого крупным частным бизнесом, \$ по текущему официальному курсу по состоянию на 2014 год, на основе данных Всемирного банка

Таким образом, рассмотренные казусы распадаются на четыре типа соотношений потенциала государства и бизнеса. Эстония: «сильное государство — сильный бизнес». Белоруссия: «сильное государство — слабый бизнес». Молдавия: «слабое государство — слабый бизнес». Украина: «слабое государство — сильный бизнес».

Уровень развития демократии

Соотношение показателей развития демократии в четырех странах является примерно одинаковым во всех трех рассмотренных рейтингах демократии (Рис. 5–7).

Рисунок 5. Статус демократии Индекса трансформации фонда Бертельсмана

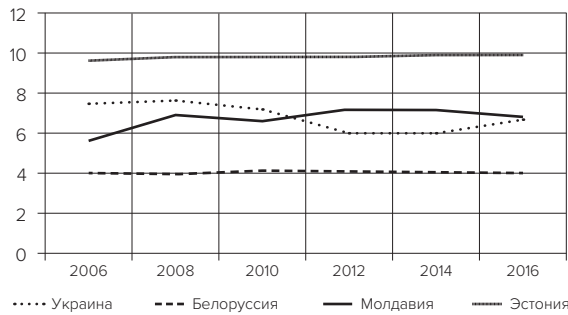
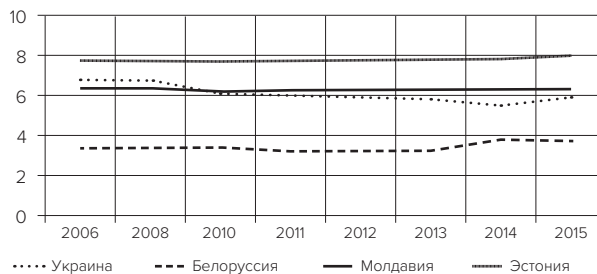
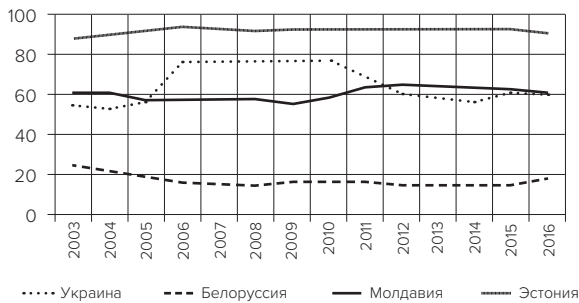

Рисунок 6. Индекс демократии журнала Economist

Лидером демократизации является Эстония. Следом идут Молдавия и Украина. Белоруссия находится в нижней части рейтинга с сильным отставанием от трех других стран.

Рисунок 7. Индекс демократии Freedom House

Полученное соотношение потенциала государства и бизнеса с одной стороны и уровня демократизации — с другой удовлетворяет выдвинутой гипотезе. В Эстонии наблюдаются сильное государство и сильный бизнес, благодаря чему уровень развития демократии в ней выше. В сильном государстве Белоруссия прослеживаются вполне классические черты авторитаризма. Персоналистский режим Лукашенко уже многие годы контролирует страну. Частный бизнес слаб и не способен на серьезную конкуренцию. В Молдавии, где государство не столь сильно, а бизнес распылен между множеством небольших собственников, наблюдаются признаки «бесплодного плюрализма», которые особенно отчетливо проявились во время политического кризиса 2009–2012 годов. Наконец, Украина с ее слабым государством и сильным бизнесом демонстрирует характеристики «приватизированного государства». Олигархические кланы являются главными участниками политического процесса, а государство неоднократно использовалось частными игроками в своих личных целях.

Заключение

Проведенный анализ позволяет как минимум выдвинуть гипотезу о важности бизнеса для демократизации и предположить, что сильный бизнес необходим для успешного демократического транзита не меньше, чем сильное государство.

Исследование позволило взглянуть на структурные факторы демократизации в неразрывной связи с самим феноменом демократического режима. Ведь бизнес, будучи

частью экономической ткани социума, с одной стороны, относится к структурным факторам демократизации, а с другой — является непосредственной частью *демократической диспозиции* — то есть базовым элементом демократического политического режима.

Библиография

1. Гуринский Г.Л. Политические факторы модернизации социально-экономической сферы современной Эстонии // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, 2011. № 140.
2. Гуринский Г.Л. Этнический фактор в бизнес-сообществе постсоветской Эстонии // Вестник Омского университета, 2011. № 4.
3. Как измерять и сравнивать уровни демократического развития в разных странах? (По материалам исследовательского проекта «Политический атлас современности»). М: МГИМО-Университет, 2008.
4. Камоликова В.Р. Методологические проблемы количественного измерения демократии (на примере Polity IV) // Бизнес. Общество. Власть, 2013. № 15.
5. Камоликова В.Р. Оценка места России в международных рейтингах политического // Бизнес. Общество. Власть, 2014. № 19.
6. Карозерс Т. Конец парадигмы транзита // http://edu.kpfu.ru/pluginfile.php/49090/mod_resource/content/1/%D0%9A%D0%90%D0%A0%D0%9E%D0%97%D0%95%D0%A0%D0%A1%20%D0%9A%D0%9E%D0%9D%D0%95%D0%A6%20%D0%9F%D0%90%D0%A0%D0%90%D0%94%D0%98%D0%93%D0%9C%D0%AB%20%D0%A2%D0%A0%D0%90%D0%9D%D0%97%D0%98%D0%A2%D0%90.pdf
7. Ланко Д.А. Партийно-политическая система эстонской республики в середине 2010-х // Балтийский регион, 2015. № 2(24).
8. Логвиненко Д.В. Теория групп интересов в политике: генезис, развитие, направления и школы // Теория и практика общественного развития, 2015. № 19.
9. Макаренко Б.И. Как и почему «зависают» демократические транзиты? Посткоммунистические // Политическая наука, 2014. № 3.
10. Межевич Н.М. Политическая история Эстонии 1987–1992 гг. как предпосылка формирования современной внешней и внутренней политики страны // Русский сборник: исследования по истории России. В 2 т. Т. 2. М., 2012.
11. Мелешкина Е.Ю. Исследования государственной состоятельности: какие уроки мы можем извлечь // Политическая наука, 2011. № 2.
12. Мельвиль А.Ю. Опыт теоретико-методологического синтеза структурного и процедурного подходов к демократическим // Полис. Политические исследования, 1998. № 2.

13. Патцельт В. Эволюция институтов, морфология и уроки истории. Можно ли извлекать уроки из истории? // Политическая наука, 2012. № 3.
14. Сергеев В.М. Демократия как переговорный процесс // http://www.democracy.ru/curious/democrasy/book_sergeev/
15. Симонян Р. Приватизация по-прибалтийски и по-российски // <http://www.r-reforms.ru/pribaltika.htm/>
16. Смирнов В.А. Проблемы взаимодействия формальных и неформальных институтов в странах Прибалтики. Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология, 2016. № 1 (222). Том 37.
17. Токарев А.А. Рейтинги демократии: от ангажированности к науке // Перспективы: Сетевое издание Центра исследований и аналитики Фонда исторической перспективы, 2014.
18. Токарев А.А. Становление государства и эволюция политических режимов Грузии и Украины: дис. ... канд. полит. наук. М., 2012.
19. Толстых П.А. Теория групп и теория лоббизма: соотношение научных концепций (часть I) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики, 2013. № 2-1.
20. Харитонов О.Г. Недемократические политические режимы // Политическая наука, 2012. № 3.
21. Цибулина А.Н. Эстония: неожиданно долгий путь в зону евро // Вестник МГИМО-Университета, 2011. № 1.
22. Шитова Е.Н. «Демократии с прилагательными» в политологическом дискурсе // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Социология. Политология, 2014. № 3. Т. 14.
23. Эльмурзаев А. Приватизация в России и за рубежом: сравнительный анализ: дис. ... канд. экон. наук. М., 2004.